

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-828-844>

Научная статья / Research article

Российско-китайские отношения – связующее звено трансформации Евразии

О.А. Воркунова^{a,b}, К.П. Курылев^c

^aМосковский государственный лингвистический университет;
119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38; vorkunovaimemo@gmail.com

^bНациональный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН;
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23; vorkunovaimemo@gmail.com

^cРоссийский университет дружбы народов;
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10; kurylev-kp@rudn.ru

Russian-China relations – connectivity to Eurasia transformation

Olga A. Vorkunova^{ab}, Konstantin P. Kurylev^c

^aMoscow State Linguistic University; 38, Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russia;
vorkunovaimemo@gmail.com

^bPrimakov National Research Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences; 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russia;
vorkunovaimemo@gmail.com

^cRUDN University; 10, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia;
kurylev-kp@rudn.ru

Аннотация: В статье рассматриваются российско-китайские отношения и их влияние на состояние и перспективы развития такого важного международного региона, как Евразия. Специальное внимание авторы уделяют эволюции российско-китайских отношений в исторической ретроспективе, особенностям формирования стратегического партнерства двух ведущих держав Евразии, расширению их политического и экономического сотрудничества. В статье отмечается, что превращение Евразии в весомую политическую силу в международных отношениях было связано с качественными изменениями в мировой экономической и политической ситуации, с новым содержанием моделей соперничества и сотрудничества. В статье комплексно рассматриваются исторические этапы трансформации Евразийского центра силы, процессы его возвышения и фрагментации и место в этом России и Китая. Особое внимание уделяется специфике евразийской взаимозависимости, усилению факторов инноваций в содержании и формах евразийской трансформации. В анализе системы евразийского пространства авторами делается акцент на выделении основных тенденций в политической сфере, усилении значения организационных форм отношений между Европейским союзом и Китаем, а также

© Воркунова О.А., Курылев К.П., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

на особенностях российско-китайских отношений в постукраинский период, повлиявших на консолидацию Евразийского хозяйственного комплекса. В статье анализируется сущность и характер отношений между складывающимся евразийским хозяйством и национальными хозяйствами входящих в евразийское пространство стран. Одновременно авторы исследуют проблему организации глобального и региональных пространств безопасности и формирования структуры комплексного сочетания горизонтальных и вертикальных связей.

Ключевые слова: Китай, Россия, ЕС, США, Маньчжурия, Арктика, ШОС, ЕвразЭс.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00165).

Для цитирования: Воркунова О.А., Курьлев К.П. Российско-китайские отношения – связующее звено трансформации Евразии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 4. С. 828–844. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-828-844>

Abstract: The article discusses Russian-Chinese relations and their impact on the state and development prospects of such an important international region as Eurasia. The authors pay special attention to the evolution of Russian-Chinese relations in historical retrospect, to the peculiarities of forming a strategic partnership between the two leading powers of Eurasia, and to the expansion of their political and economic cooperation. The article notes that the transformation of Eurasia into a significant political force in international relations was associated with qualitative changes in the global economic and political situation, with a new content of models of rivalry and cooperation. The article comprehensively examines the historical stages of the transformation of the Eurasian center of power, the processes of its elevation and fragmentation, and the place in this of Russia and China. Particular attention is paid to the specifics of Eurasian interdependence, the strengthening of innovation factors in the content and forms of the Eurasian transformation. In the analysis of the system of the Eurasian space, the authors focus on highlighting the main trends in the political sphere, strengthening the importance of the organizational forms of relations between the European Union and China, as well as on the features of Russian-Chinese relations in the post-Ukrainian period that influenced the consolidation of the Eurasian economic complex. The article analyzes the nature and nature of the relationship between the emerging Eurasian economy and the national economies of the countries included in the Eurasian space. At the same time, the authors explore the problem of organizing global and regional security spaces and forming the structure of a complex combination of horizontal and vertical ties.

Keywords: China, Russia, EU, USA, Manchuria, Arctic, SCO, EurAsEC

Funding: This research was supported by the Russian Science Foundation. The scientific project № 19-18-00165.

For citation: Vorkunova, Olga A., and Kurylev, Konstantin P. “Russian-China relations – connectivity to Eurasia transformation,” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 828–844. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-828-844>

Введение

Проблемы появления международных регионов в целом и феномена трансформации регионального пространства Евразии в частности становятся предметом широких дискуссий в отечественной и зарубежной литературе. Такие дискуссии резко обостряются после значительного усиления двух крупнейших держав Евразии – России и Китая и расширения их военно-политического сотрудничества. Изучением разных аспектов российско-китайского сотрудничества занимается широкий круг российских ученых, в том числе Воскресенский А.Д.¹,

¹ *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай; теория и история межгосударственных отношений. М., 1999; *Воскресенский А.Д.* Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М., 2004; *Воскресенский А.Д.* «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М., 2006.

Ганьшина Е.И.², Делюсин Л.П.³, Ефремова Л.И.⁴, Кузык Б.Н.⁵, Ипатова А.С.⁶, Курылев К.П.⁷, Лузянин С.Г.⁸, Лукин А.В. Михеев В.В.⁹, Мосяков В.Д.¹⁰, Рахманин О.Б.¹¹, Титаренко М.Л.¹², Чудодеев Ю.В.¹³, Цвык Г.И.¹⁴, Юртаев В.И.¹⁵

Среди американских ученых, занимающихся изучением российско-китайских отношений, следует назвать Оливера Эдмунда Клабба¹⁶, бывшего американского консула в Урумчи и впоследствии известного историка, автора работ по китайско-советским отношениям в Синьцзяне в 40-е годы XX в., Бэнсона Бобрика¹⁷, Дебору Капл¹⁸, Кэтрин Везерсби¹⁹, Сэмуэля Чараба²⁰, Джона Дреннана²¹ и Пьера Ноеля²². Исследования американских ученых показывают, что глобальные стратегические интересы двух крупнейших военных держав Евразии оказывают

² Ганьшина Е.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в 90-е гг. XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 88–97.

³ Делюсин Л.П. Российско-китайские отношения и проблема многополярного мира. М., 2002.

⁴ Ефремова Л.И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 857–865.

⁵ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006.

⁶ Ипатова А.С. История российско-китайских отношений в документах и материалах // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 70–93.

⁷ Курылев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В. Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 134–156.

⁸ Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М., 2009; Лузянин С.Г. Глобальные и региональные измерения российско-китайско-индийского сотрудничества в центрально-азиатском ракурсе // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 33–41; Лузянин С.Г., Мамонов М.В. Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2011. С. 5–31; Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003.

⁹ Михеев В.В. Мировой кризис как новые возможности для китайской экономики // Общество и экономика. 2009. № 6. С. 22–33.

¹⁰ Мосяков В.Д. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М., 2012.

¹¹ Рахманин О.Б. К истории отношений России–СССР с Китаем в XX веке. М., 2002.

¹² Титаренко М.Л. Российско-китайские отношения. Состояние и перспективы. М., 2005.

¹³ Чудодеев Ю.В. На глазах меняющийся Китай. М., 2008; Он же. Россия – Китай. Стратегическое партнерство на современном этапе (проблемы и перспективы). М., 2011.

¹⁴ Цвык Г.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. № 2. С. 415–428.

¹⁵ Юртаев В.И., Розов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 469–482.

¹⁶ Clubb E. China and Russia: The Great Game. New York, 1971. P. 13.

¹⁷ Bobrick B. East of the Sun: The Epic Conquest and Tragic History of Siberia. New York, 1992. P. 542.

¹⁸ Kaple D. Soviet Advisors in China in the 1950s // Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963. Washington D.C., 1998. P. 117–120.

¹⁹ Weathersby K. Stalin, Mao, and the End of the Korean War // Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963. Washington D.C., 1998.

²⁰ Charap S., Drennan J., Noel P. Russia and China: A New Model of Great-Power Relations // Survival. 2017. Vol. 59. № 1. P. 25–45, 30.

²¹ Там же. P. 30.

²² Там же.

влияние на перспективы развития этого международного региона. Углубление их взаимодействия в военной сфере вызывает озабоченность со стороны США и их союзников по НАТО²³.

Из истории российско-китайских отношений

Для различных сфер и звеньев российско-китайского сотрудничества характерно то, что они развивались неравномерно и достигали разной степени зрелости, что отчасти вызывало в прошлом кризисные явления и столкновения между партнерами. В историографии отмечается, например, что в первые три столетия взаимодействия Россия полностью доминировала, еще в 1639 г. русские первопроходцы добрались до берегов Охотского моря, граничащего с Тихим океаном²⁴. Первый конфликт между царской Россией и Китаем маньчжурской династии Цин разгорелся спустя десять лет после этого события и был связан с территориальными претензиями Китая. Северные провинции Китая имели для империи Цин особое значение.

Первый конфликт между Россией и Китаем XVII в., получивший в истории наименование «Албазинской войны», разгорелся в связи с контролем над Приамурьем. В результате Нерчинского договора 1689 г. империя Цин закрепила за собой территорию, ранее освоенную русскими по реке Амур, и граница была проведена по реке Аргуни.

Нерчинский договор стал первым соглашением, заключенным Китаем с иностранным государством. В последующие 170 лет после военного конфликта сохранялся мир²⁵. В то же время, как отмечали американские ученые, Россия никогда не теряла надежды на возвращение Приамурья. И эта возможность представилась после ослабления империи Цин в результате Опиумной войны 1839–1842 гг. между Британией и Китаем. Впоследствии, в 1850-х гг., русские купцы под предводительством генерал-губернатора Николая Муравьева и при поддержке казачьих отрядов смогли освоить земли по реке Уссури до побережья Тихого океана. По договору 1858 г. территория от Станового хребта по реке Амуру перешла к России, а спустя два года был заключен Пекинский договор 1860 г., согласно которому вся территория от Уссури до Тихого океана становилась российской. В том же году был основан город Владивосток, и 40 тысяч русских поселенцев заселили это пространство, включая возведение необходимых военных укреплений и портовых сооружений²⁶.

В 1862–1877 гг. в результате Дунганского восстания в провинциях Шэньси и Ганьсу Россия получила возможность присоединить Синьцзян. Впоследствии по Петербургскому договору (Договор об Илийском крае) 1881 г. она уступила восточную часть Илийского края империи Цин. С конца XIX в. и до японской интервенции в Маньчжурию в 1931 г. интенсивно развивались российско-китайские торговые связи, чему способствовали и первые инфраструктурные проекты –

²³ *Calder K.* Super Continent. The Logic of Eurasian Integration. Stanford, 2019. P. 140.

²⁴ *Clubb E.* China and Russia: The Great Game. New York, 1971. P. 13.

²⁵ *Bobrick B.* East of the Sun: The Epic Conquest and Tragic History of Siberia. New York, 1992. P. 79–95.

²⁶ Там же. P. 262.

строительство Маньчжурской железной дороги, соединившей Читу с Владивостоком и Порт-Артуром.

Новый этап российско-китайского сотрудничества пришелся на период после Октябрьской революции 1917 г. и был связан с деятельностью руководителя Советского государства В.И. Ленина и китайского революционера Сунь Ятсена. В 1927 г. в период борьбы главнокомандующего Национальной революционной армии Китая Чан Кайши с коммунистами советское руководство во главе с И.В. Сталиным занимало выжидательную позицию, но в период гражданской войны 1946–1949 гг. и Китайской революции под руководством Мао Цзэдуна Советский Союз оказывал новому руководству Китая значительную помощь. В феврале 1950 г. между Советским Союзом и КНР был заключен Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, который на многие годы определил характер двусторонних отношений и прошел сложные испытания временем.

Новый этап российско-китайских отношений

С начала 90-х гг. XX в. открылись новые возможности для укрепления российско-китайских отношений. Для развития взаимной торговли России и Китая большое значение имеет взаимодополняемость хозяйственных структур, географическая близость, тесные исторические связи. И хотя в 2001 г. объемы двусторонней торговли не превышали 10 млрд долл., в 2004 г. они достигли 21 млрд долл., а в 2014 г. – уже 95.2 млрд долл. В 2015–2016 гг. темпы роста торговли несколько замедлились, но с 2017 г. наблюдается устойчивый рост²⁷. После украинского кризиса 2014 г. Россия активизировала усилия в направлении использования китайских технологий и инвестиций²⁸. Взаимный интерес подкреплялся дополняемостью структуры энергетического сектора экономики Китая. Россия сохраняет позиции ведущего мирового экспортера природного газа, располагая 1/5 мировых запасов газа и существенными ресурсами нефти, а Китай по-прежнему является крупнейшим мировым потребителем энергетических ресурсов. В 2017 г. он обошел США по импорту сырой нефти.

Таким образом, формируется устойчивый российско-китайский симбиоз в развитии северных провинций Китая в географической близости от РФ. Два из шести крупнейших китайских городов – Пекин и Тяньцзинь расположены всего в тысяче милях от самого крупного резервуара пресной воды в мире – озера Байкал. Самые значительные экономические центры в Маньчжурии – Харбин и Шэньян находятся в еще большей близости к России. Местные природные ресурсы в северо-восточном Китае, служившие основой для индустриализации территории Китая к северу от Шанхая, близки к истощению, поэтому поставки углеводородов из России приходится как нельзя кстати. Импорт энергоресурсов из России снижает транспортные издержки и время доставки по сравнению с морскими танкерными перевозками нефти из зоны Персидского залива. Другой маршрут доставки жизненно важного топлива из Мьянмы через Индийский океан проходит через Бен-

²⁷ *Calder K.* Super Continent. The Logic of Eurasian Integration. Stanford, 2019. P. 143.

²⁸ *Gabuev A.* Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis. Carnegie, 2016.

гальский залив и проигрывает как альтернативный вариант из-за недостаточного контроля со стороны Китая.

Нынешний этап двусторонних российско-китайских отношений превосходит по масштабу и разнообразию период расцвета 50-х гг. прошлого века. В 1990-е гг. была заложена нормативно-правовая база гуманитарного сотрудничества и определены основные направления российско-китайского взаимодействия²⁹. В мае 2014 г. был заключен масштабный проект «Сила Сибири» по сооружению 3000 км газопровода от Якутии через Иркутскую область к границе Китая. Согласно расчетам ежегодные поставки природного газа по газопроводу обеспечат 40 % потребностей Китая в газе и составят 60 % импорта компании «Газпром» в 2019–2020 гг.

По мнению западных экспертов, с введением экономических санкций против России вследствие украинского кризиса в двустороннем геостратегическом взаимодействии России и Китая появляется новое направление – освоение Арктики. Россия располагает географическими и транспортными возможностями для налаживания транзитных маршрутов через Северный морской путь. Китай проявляет растущий интерес к использованию природных богатств Арктики и освоению транспортных возможностей перспективного маршрута из Евразии в Европу. Беспрецедентные возможности для сотрудничества в Арктике двух евразийских гигантов с учетом глобальных изменений климата меняют будущую конфигурацию соотношения центров силы в мире. Первым шагом на пути российско-китайского сотрудничества в Арктике стал проект, совместно финансируемый российской компанией Новатэк (50,1 %), Китайской национальной компанией (20 %), французской Тоталь (20 %) и Фондом Китайского Шелкового пути (9,9 %). Первые поставки сжиженного газа с месторождения на Ямале по морю были осуществлены летом 2018 г.

Поиски новых способов и форм преодоления кризиса в отношениях России и стран Запада после 2014 г. определяют и усилия РФ по сближению с Китаем и поворот на Восток. Символическим событием, определившим новый вектор внешней политики России, стало проведение саммита АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г., который посетил будущий лидер КНР Си Цзиньпин и проигнорировал тогдашний Президент США Барак Обама. В 2015 г. во Владивостоке состоялся Восточный экономический форум, ставший регулярным событием сентября. В 2018 г. в его работе приняли участие лидеры ведущих стран Евразии – Президент РФ Владимир Путин, Председатель КНР Си Цзиньпин, премьер-министр Японии Синдзо Абе, Президент Монголии Халтмаагийн Баттулга, премьер-министр Южной Кореи Ли Нак Ён.

Поворот России в сторону Азии обозначился на пяти главных направлениях. Они включают в себя: 1) форсированное развитие российского Дальнего Востока; 2) увеличение экспорта энергоресурсов в Азию, включая продукцию нефтехимической промышленности; 3) рост инвестиций в экономику России прежде всего из Китая; 4) расширение военно-политического сотрудничества со странами

²⁹ Ганьшина Е.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в 90-е гг. XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 94.

ми Азии, включая Китай, Вьетнам, Индию; 5) активное участие в организациях ШОС, БРИКС и Восточноазиатском саммите. Развитие российско-китайских отношений является значимым фактором продвижения ШОС³⁰. Далеко не случайно свой первый зарубежный визит в качестве Председателя КНР Си Цзиньпин совершил в Москву в конце марта 2013 г. В течение последующих месяцев он трижды встречался на высшем уровне с Президентом РФ В.В. Путиным и успел посетить Туркменистан, Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан. Показательно было и то, что в сентябре 2013 г. Си Цзиньпин объявил о своей инициативе Шелкового Экономического Пути в Университете Назарбаева в Алматы. При всех особенностях процесса регионализации в Евразии ведущей тенденцией во взаимодействии России и Китая в региональной организации глобального типа ШОС остается укрепление гуманистической составляющей, «понимаемой как адаптация человека к новому формату диалога»³¹.

Известную роль в изменении внешнеполитического курса России с Запада на Восток в международных отношениях сыграло стремление лидеров двух евразийских гигантов «компенсировать» потери, которые понесла Россия во взаимоотношениях с европейскими странами и США в связи с введением санкций. Однако сам по себе этот чисто субъективный фактор мог проявляться только потому, что назрели объективные потребности в формировании своего «политического лица» Евразии по отношению к внешнему миру.

Одна из таких объективных причин связана с успехами в продвижении целей проекта «Один пояс, один путь», Шелкового морского пути и осуществления финансирования глобальных проектов с помощью Азиатского Банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шелкового пути. Общность интересов России и Китая в связи с ростом напряженности в отношениях между Россией и странами Запада наметилась также в валютно-финансовой сфере и особенно в сфере военно-политического сотрудничества. Так, в апреле 2015 г. Россия заключила контракт с Китаем на поставку ЗРС С-400 «Триумф», реализация которого началась в феврале 2017 г. Системы «Триумф» предназначены для обеспечения защиты зоны идентификации противоздушной обороны (ADIZ) в северной части Южно-Китайского моря и восточной части Китая. В 2018 г. Россия завершила поставки модернизированных истребителей Су-35 в соответствии с контрактом, заключенным в 2015 г. Экспорт российского вооружения стремительно рос в период 1999–2005 гг., в 2005–2010 гг. наблюдалось некоторое замедление, которое затем быстро компенсировалось подъемом экспорта вооружений в 2010–2015 гг.³²

Китайское руководство неоднократно выражало заинтересованность в развитии военных аспектов сотрудничества с Россией, радуя за проведение совместных военных операций. В мае 2015 г. Россия и Китай впервые предприня-

³⁰ Цвык Г.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. № 2. С. 423.

³¹ Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 479.

³² Calder K. *Super Continent. The Logic of Eurasian Integration*. Stanford, 2019. P. 155.

ли совместный поход кораблей военно-морского флота через Дарданеллы и провели маневры в Средиземном море, в сентябре 2016 г. – в Южно-Китайском море, а в 2018 г. – в восточной Сибири с участием 300 тыс. военнослужащих с российской стороны и 3 тыс. – с китайской³³.

Наконец, комплекс проблем, связанных с вопросами разоружения и сокращения стратегических наступательных вооружений, а также выходом США из Договора РСМД и вероятностью отказа США от продления срока Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений может оказать заметное воздействие на характер взаимоотношений между РФ и США и на характер мировой политики в целом. Евразийский проект – не столько альтернатива западной интеграции, сколько связующее звено между Западом и Востоком³⁴. В этих условиях консолидация Евразии, возвышение роли «евразийского культурного баланса» и развитие стратегического партнерства между Россией и Китаем могут стать единственной реалистической альтернативой для мирного взаимодействия, способствуя конструктивному ходу переговоров по широкому кругу международных вопросов как на двусторонней, так и многосторонней основе.

Особенности исторической трансформации Евразии

Распад Советского Союза и последовавшая в результате этого трансформация региональной структуры политического пространства Евразии привели к тому, что образовавшийся здесь «геополитический вакуум» преобразовался в «вакуум безопасности» для государств евразийского пространства и его населения. С середины 1990-х гг. в регион проникают внешние акторы, претендовавшие на монопольное положение в системе региональной безопасности³⁵.

Превращение Евразии в весомую политическую силу в международных отношениях было связано с качественными изменениями в мировой экономической и политической ситуации, с новым содержанием соперничества и сотрудничества.

Европа и Азия физически не имеют географических барьеров, их разделяющих. Социокультурные системы располагающихся здесь государств развивались во взаимодействии. В то же время длительный период Евразию разобщали многочисленные конфликтные противостояния³⁶. Лишь с окончанием холодной войны наступил новый этап консолидации Евразии и превращения ее в суперконтинент, определяющий судьбы мира. Новый период развития Евразии формируется под воздействием внешних и внутренних факторов, в их числе возвышение Китая, распад СССР, приведший к сближению Китая и Европы, технологической революции в сфере логистики, внутренним разногласиям в США³⁷. Инфраструктур-

³³ *Calder K.* Super Continent. The Logic of Eurasian Integration. Stanford, 2019. P. 158.

³⁴ *Курьлев К.П., Станис Д.В.* Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы, перспективы // Современная наука. 2015. № 2. С. 14.

³⁵ *Emerson M.* The Shaping of a Policy Framework for the Wider Europe // Policy Brief. 2003. № 39. P. 2.

³⁶ *Emmott B.* Rivals: How the Power Struggle Between China, India and Japan Will Shape our Next Decade. Orlando, 2008.

³⁷ *Calder K.* Super Continent. The Logic of Eurasian Integration. Stanford, 2019. P. 1.

ная революция в Евразии благодаря осуществлению глобальных проектов Китая «Один пояс, один путь» преобразует континент в единое взаимосвязанное пространство, сокращая транспортные издержки и давление больших расстояний.

США доминировали в мировой политике в течение последних семидесяти лет, опираясь на неуязвимость американского континента. В то же время этот отрезок времени – лишь ничтожная часть тысячелетней мировой истории, в течение которой доминировал другой континент – евразийский. Например, в XVI в. на долю Евразии приходилось 89 % глобального ВВП, из которых Китаю принадлежало 25 %. Новый период в развитии Евразии открылся в результате начавшейся в конце XVIII в. промышленной революции. Доля Азии в глобальном производстве с 1750 по 1870 гг. до франко-прусской войны составляла 60 %. И лишь в конце XIX в. инициатива в мировом производстве перешла к Англии и США. Промышленное превосходство закрепило за Англией и США торговую гегемонию. Промышленный переворот и развитие капиталистической машинной индустрии начались в Англии, где мануфактура достигла наибольшего развития. Процесс производства в результате технического разделения труда был сведен к однородным, простейшим операциям, которые уже не трудно было заменить машиной. Военные победы над Испанией, Голландией и Францией обеспечили Великобритании господство на море и создание огромной колониальной империи, которая гарантировала для английской промышленности поступление денежных средств и сырья.

Социальные преобразования и революция в мануфактуре, рост внутреннего и внешнего рынка привели Европу и Северную Америку к ускоренному развитию и, наоборот, отставанию в технико-экономическом отношении Азии в течение XIX – начале XX в. К 1950 г. США обогнали Западную Европу по промышленному производству, при этом доля Азии составляла 2/3 производства США, хотя население континента десятикратно превышало население США (152,3 млн против 1,38 млрд. человек).

После Второй мировой войны Европа пережила реструктуризацию во многом благодаря плану Маршалла, когда в большинстве европейских стран завершилось восстановление разрушенной войной экономики и началось формирование новой структуры хозяйства. Катализатором для экономического возрождения Восточной Азии стала стремительно развивающаяся экономика Японии, Южной Кореи и отчасти Китая. Новый период в трансформации Евразии наступил в начале XXI в., когда существенно увеличились темпы экономического развития Китая на фоне распада Советского Союза и обнаружились новые черты трансформации Европы: интенсивный рост интеграционных процессов; усиление концентрации производства.

Связь между отдельными подсистемами Евразии формировалась в течение двух тысячелетий. Товарный обмен осуществлялся между Древним Римом и Китаем династии Хань. Весьма сложная совокупность национальных хозяйств, процесс воспроизводства в которых находился в тесной взаимной связи и обусловленности в период развития европейского империализма и отрыва от мирового капиталистического хозяйства Советского Союза, временно затормозила рост интеграционных процессов в Евразии. К этому добавились факторы влияния

двух мировых войн XX в., политического хаоса и последствия «холодной войны». Страны Евразии тогда не могли в полной мере участвовать в транснациональных экономических связях с другими субъектами международных отношений на прежней основе. В результате их роль в мировой экономике и политике сузилась.

Говоря о современном периоде развития Евразии, который наступил на рубеже XX–XXI вв., следует указать на формирование здесь новой «евразийской системы хозяйства», которая представляет собой весьма сложную совокупность национальных хозяйств. Специфика евразийской системы в отличие от североамериканской состоит прежде всего в том, что она объединяет в единое целое как государственно оформленные и исторически сложившиеся хозяйства Азии в качестве подсистемы, так и сложившуюся в результате интеграционных процессов единую Европу, внутри которой связи носят, как правило, более регулярный и интенсивный характер.

На рубеже XXI в. совокупность факторов: распад Советского Союза, глобальный экономический кризис 2008 г., логистическая и информационная революция, трансформация Европы, России и ЮВА, геоэкономические проблемы Индии и Ирана порождают объективно существующие самостоятельные и устойчивые связи по линии товарного обмена, валютных отношений и зависимостей, движения иностранного капитала, передачи научно-технической информации в Евразии. Свой вклад в формирование евразийского хозяйственного комплекса, в котором взаимоувязываются национальные комплексы в единый евразийский организм, вносит Китай при Председателе КНР Си Цзиньпине с глобальным проектом «Один пояс, один путь»³⁸. Железнодорожные контейнерные перевозки между Европой и Китаем, которые начались с 2011 г., в 2017 г. достигли масштабов 3 тыс. единиц контейнеров, превысив уровень перевозок за последние шесть лет. Номенклатура товаров из Китая включает в себя детали для автомобилей, персональные компьютеры, одежду, обувь и др. Европейские товары в Китай – это преимущественно фармацевтическая продукция, машиностроение, детское питание, алкоголь. Параллельно с железнодорожными перевозками существенно увеличилось перевозки морским и воздушным транспортом.

Весь комплекс евразийских экономических отношений является основой для соответствующих политических, дипломатических и иных связей между государствами, которые в совокупности образуют систему евразийского пространства. В него входят институты АСЕМ – Евро-Азиатских встреч на высшем уровне, ШОС, конференций в формате 16+1.

Объективные связи важнейших элементов евразийской системы хозяйства условно можно было бы выразить схематически, абстрагируясь при этом от субъектов и форм этих связей. Перевозки по суше между Роттердамом и Шанхаем сокращают время транспортировки на 30 % по сравнению с морскими перевозками. Это существенно снижает издержки на доставку товаров. В капитализацию

³⁸ *Yiwei Wang*. The Belt and Road Initiative: What Will China Offer the World in its Rise? Beijing, 2016. P. 37.

китайского глобального проекта «Один пояс, один путь» вовлечены такие фирмы, как КОСКО (COSCO), Huawei, Ericsson, Alibaba, Deutsche Bahn.

В евразийской системе хозяйства, таким образом, в один хозяйственный строй включена совокупность типов хозяйств входящих в него стран Европы и Азии. Вместе с тем евразийская система хозяйства включает в себя и соответствующую ей региональную систему государств, которая является внешнеполитической формой существования всего евразийского пространства. От состояния и характера отношений между странами в системе государств во многом зависят методы и формы функционирования евразийского пространства. Политические отношения между государствами ЕС и Китаем могут создавать благоприятные предпосылки для евразийских связей.

Таблица 1 / Table 1

Доля Евразии в мировом хозяйстве / Eurasia share in world economy

	Территория	ВВП в номинальном выражении	ВВП	Валовые резервы (в т.ч. золото)	Запасы нефти (подтвержденные)	Запасы газа (подтвержденные)
Весь мир	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00
Евразия (Азия+Европа)	40.96	61.93	69.41	83.72	59.33	80.81
Центральная Азия	3.03	0.33	0.68	0.30	1.84	11.29
Восточная Азия	8.88	24.04	24.97	42.89	1.51	2.83
ЮВА	3.35	3.50	6.33	7.66	0.74	4.10
Южная Азия	4.93	4.71	10.61	4.23	9.53	18.10
Западная Азия	3.70	3.84	5.60	4.40	38.75	24.41
Восточная Европа	13.91	3.78	5.73	7.23	6.29	18.71
Северная Европа	1.31	5.80	3.89	3.38	0.62	0.99
Южная Европа	1.00	4.89	4.09	2.64	0.04	0.02
Западная Европа	0.84	11.03	7.52	11.00	0.00	0.35
Остальной мир	59.04	38.07	30.59	16.28	40.67	19.19

Источник / Source: Caldor, K. Supercontinent. The Logic of Eurasian Integration. Stanford, CA: Stanford University Press, 2019. P. 7.

На долю Евразии приходится две трети мировых запасов нефти и более 80 % природного газа, 85 % золотовалютных ресурсов, 70 % мирового ВВП, примерно половина мировых производимых товаров.

Таким образом, евразийское пространство – весьма сложный экономический организм, который все время развивается и совершенствуется. Механизм его саморазвития подчинен объективным законам, сущность которых определяется господствующей системой инфраструктуры и новейших технологий телекоммуникаций.

Евразийское хозяйство и национальное хозяйство входящих в евразийское пространство стран – это такие экономические категории, которые не только отличаются друг от друга сферой их действия, но и имеют, кроме того, свои качественные отличия. Так, евразийские хозяйственные отношения устанавливаются не между отдельными производителями или их группами в рамках национального хозяйства, а между нациями, которые государственно объединены в хозяйственно-политические единицы, или же такими производителями и группами, которые разделены государственными границами. Сущность и характер этих отношений отличаются от прямых связей во внутригосударственном процессе воспроизводства.

По мере развития евразийского пространства его связи все более усложняются, развиваются, изменяются, как изменяется структура экономики, имеющая тенденцию к постоянному расширению и совершенствованию. Так, китайская инициатива «Один пояс, один путь» сочетает «современные реалии мирового развития» с длительной исторической традицией внутренней установки политической элиты этой страны на воссоздание прежнего влияния на «утраченных территориях»³⁹.

Основные подходы к проблеме безопасности в Евразии

Геополитическая организация мира в конце XX – начале XXI в. переживает этап очередной динамичной трансформации. В сложившихся условиях Россия призвана оставаться великой евразийской державой, неделимым ядром Хартленда, растянувшегося на континентальном массиве Европы и Азии. Но в нынешней фазе своего развития для России первостепенными являются задачи по мобилизации имеющихся у нее сил и ресурсов для устойчивой внутренней динамики, сохранению и укреплению своих позиций на пространстве СНГ и обеспечению безопасной буферной зоны. В стратегическом плане и в долгосрочной перспективе нет принципиальных противоречий между Россией, ЕС и Китаем как основных центров силы в Европе и Евразии. Важно лишь формирование продуктивного баланса, позволяющего избегать перекоса в сторону доминирования какой-либо одной из трех составляющих. Примечательно, что та же задача – не допустить доминирования какой-либо из сил в Евразии – стоит и перед США. Поэтому стратегия поддержки наиболее слабого угла в треугольнике ЕС – Россия – Китай объективно отвечает интересам всех участников мировой политики.

Новый, интегрированный подход к решению вопросов международной безопасности подтвердил, что основные факторы, угрожающие международной и национальной безопасности, носят транснациональный и трансграничный характер. Уход от традиционного, «милитаристского» понимания безопасности породил

³⁹ *Омаров Н.М.* К проблеме становления трансевразийского пространства безопасности: современное состояние и перспективы // Черноморско-Каспийский регион: проблемы и перспективы сотрудничества. М., 2005. С. 99–134.

необходимость выработки более широкой ее концепции, создаваемой на основе многостороннего участия и всеобъемлющего подхода. В этом смысле заслуживает внимание вопрос о возможности создания глобального «ландшафта безопасности». Формирующееся пространство безопасности как сочетание региональных «ландшафтов безопасности» понимается как открытая система, содержащая внутренние гарантии безопасности и средства «выплескивания» безопасности вовне⁴⁰.

Среди других структур безопасности, возникших в Евразии, следует отметить уникальный механизм «шанхайской пятерки» (апрель 1996 г.), знаменовавшей переход к принципиально новым отношениям между КНР и граничащими с ней странами бывшего СССР⁴¹. Трансформация «пятерки» в «Шанхайскую Организацию Сотрудничества» с включением в нее Узбекистана (15 июня 2001 г.), подписание Хартии ШОС (7 июня 2002 г.) и Ташкентской декларации (18 июня 2004 г.) позволили существенно увеличить степень ее влияния на обеспечение безопасности в регионе.

Незавершенность процесса оформления отдельных регионов и субрегионов Евразии как политических и экономических субъектов, способных самостоятельно идентифицировать себя в системе международных отношений, придает условность оценке «ассоциативной» системы безопасности как нового способа и формы организации пространства безопасности в постсоветской Евразии, основанного на постепенном усилении принципов кооперативной и коллективной безопасности в отношениях государств и международных организаций.

Выводы

С начала 90-х гг. XX в. открылись новые возможности для укрепления российско-китайских отношений. Для развития взаимной торговли России и Китая большое значение имеет взаимодополняемость хозяйственных структур, географическая близость, тесные исторические связи. Нынешний этап двусторонних российско-китайских отношений превосходит по масштабу и разнообразию период их расцвета, который приходился на середину XX в. Формируется устойчивый российско-китайский симбиоз в развитии северных провинций Китая в географической близости от России.

Для различных сфер и звеньев российско-китайского сотрудничества характерно то, что они развивались неравномерно и достигали разной степени зрелости, что отчасти вызывало в прошлом кризисные явления и столкновения между партнерами. В двустороннем геостратегическом взаимодействии России и Китая появилось новое направление – освоение Арктики, благодаря тому, что Россия располагает географическими и транспортными возможностями для налаживания

⁴⁰ Кульман Ю., Каллаган Д. Военные в обществе общего риска: элементы сравнения по девяти странам Западной, Центральной и Восточной Европы // *Военные и общество в Западной и Восточной Европе*. М., 2000. С. 481–485.

⁴¹ Ся Ишань. Механизм «Шанхайской пятерки» и стратегическое взаимодействие Китая и России // *Китай в мировой политике*. М., 2001. С. 340; Акатаева А.А. Шанхайская организация сотрудничества как фактор региональной безопасности // *НАТО и Центральная Азия: региональная и национальная безопасность и стратегическое партнерство*. Алматы, 2003. С. 59–60.

транзитных маршрутов через Северный морской путь, а Китай проявляет растущий интерес к использованию природных богатств Арктики и освоению транспортных возможностей перспективного маршрута из Евразии в Европу. Беспрецедентные возможности для сотрудничества в Арктике двух евразийских гигантов с учетом глобальных изменений климата меняют будущую конфигурацию соотношения центров силы в мире.

Рукопись поступила: 24 июня 2019 г.

Submitted: 24 June 2019

Библиографический список

- Акатаева А.А.* Шанхайская организация сотрудничества как фактор региональной безопасности // НАТО и Центральная Азия: региональная и национальная безопасность и стратегическое партнерство. Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2003. С. 56–61.
- Воскресенский А.Д.* Россия и Китай; теория и история межгосударственных отношений. М.: МОНФ, 1999. 412 с.
- Воскресенский А.Д.* Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М.: Восток-Запад, 2004. 124 с.
- Воскресенский А.Д.* «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М.: ЛЕНАНД, 2006. 124 с.
- Ганьшина Е.И.* Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в 90-е гг. XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 88–97.
- Делюсин Л.П.* Российско-китайские отношения и проблема многополярного мира. М.: ИМЭПИ РАН, 2002. 153 с.
- Ефремова Л.И.* О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 857–865.
- Ипатова А.С.* История российско-китайских отношений в документах и материалах // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 70–93.
- Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Ин-т экономических стратегий, 2006. 656 с.
- Кульман Ю., Каллаган Д.* Военные в обществе общего риска: элементы сравнения по девяти странам Западной, Центральной и Восточной Европы // Военные и общество в Западной и Восточной Европе. М.: Научная книга, 2000. С. 227–260.
- Курьлев К.П., Дестерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В.* Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 134–156.
- Курьлев К.П., Станис Д.В.* Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы, перспективы // Современная наука. 2015. № 2. С. 13–18.
- Лузянин С.Г.* Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М.: Форум, 2009. 288 с.
- Лузянин С.Г.* Глобальные и региональные измерения российско-китайско-индийского сотрудничества в центрально-азиатском ракурсе // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 33–41.
- Лузянин С.Г., Мамонов М.В.* Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 5–31.
- Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Изд-во Огни, 2003. 320 с.

- Михеев В.В. Мировой кризис как новые возможности для китайской экономики // Общество и экономика. 2009. № 6. С. 22–33.
- Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: ИВ РАН, 2012. 220 с.
- Рахманин О.Б. К истории отношений России–СССР с Китаем в XX веке. М.: Изд-во Москва, 2002. 512 с.
- Ся Ишань. Механизм «Шанхайской пятерки» и стратегическое взаимодействие Китая и России // Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001. С. 336–351.
- Титаренко М.Л. Российско-китайские отношения. Состояние и перспективы. М.: ИДВ РАН, 2005. 412 с.
- Цвык Г.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. № 2. С. 415–428.
- Чудодеев Ю.В. На глазах меняющийся Китай. М.: ИВ РАН, 2008. 160 с.
- Чудодеев Ю.В. Россия-Китай. Стратегическое партнерство на современном этапе (проблемы и перспективы). М.: ИВ РАН, 2011. 224 с.
- Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 469–482.
- Bobrick B. *East of the Sun: The Epic Conquest and Tragic History of Siberia*. New York: Poseidon Press, 1992. 542 p.
- Calder K. *Super Continent. The Logic of Eurasian Integration*. Stanford: Stanford University Press, 2019. 344 p.
- Charap S., Drennan J., Noel P. *Russia and China: A New Model of Great-Power Relations* // *Survival*. 2017. Vol. 59. № 1. P. 25–45.
- Clubb E. *China and Russia: The Great Game*. New York: Columbia University Press, 1971. 578 p.
- Deutch K. *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton: Princeton University Press, 1957. 228 p.
- Emerson M. *The Shaping of a Policy Framework for the Wider Europe* // *Policy Brief*. 2003. № 39. P. 1–17.
- Emmott B. *Rivals: How the Power Struggle Between China, India and Japan Will Shape our Next Decade*. Orlando: FL: Harcourt, 2008. 352 p.
- Gabuev A. *Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis*. Carnegie: Endowment for International Peace, 2016. 300 p.
- Kaple D. *Soviet Advisors in China in the 1950s* // *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963*. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 1998. P. 117–120.
- Weathersby K. *Stalin, Mao, and the End of the Korean War* // *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963*. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 1998. P. 238–276.
- Yiwei Wang. *The Belt and Road Initiative: What Will China Offer the World in its Rise?* Beijing: New World, 2016. 220 p.
- Zhouying Jin. *The Future of Humanity. Global Civilization and China's Rejuvenation*. Chicago: Intellect, The University of Chicago Press, 2018. 293 p.

References

- Akatayeva, A.A. “Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva kak faktor regional’noy bezopasnosti.” In *NATO i Tsentral’naya Aziya: regional’naya i natsional’naya bezopasnost’ i strategicheskoye partnerstvo*, 56–61. Almaty: KazNU im. Al’-Farabi Publ., 2003 (in Russian).
- Bobrick, B. *East of the Sun: The Epic Conquest and Tragic History of Siberia*. New York: Poseidon Press Publ., 1992.

- Calder, K. *Super Continent. The Logic of Eurasian Integration*. Stanford: Stanford University Press Publ., 2019.
- Charap, S., Drennan, J., and Noel, P. “Russia and China: A New Model of Great-Power Relations.” *Survival* 59, no. 1 (2017): 25–45.
- Chudodeyev, Yu.V. *Na glazakh menyayushchiysya Kitay*. Moscow: IV RAN Publ., 2008 (in Russian).
- Chudodeyev, Yu.V. *Rossiya-Kitay. Strategicheskoye partnerstvo na sovremennom etape (problemy i perspektivy)*. Moscow: IV RAN Publ., 2011 (in Russian).
- Delyusin, L.P. *Rossiysko-kitayskiye otnosheniya i problema mnogopolyarnogo mira*. Moscow: IMEPI RAN Publ., 2002 (in Russian).
- Deutch, K. *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton: Princeton University Press Publ., 1957.
- Emerson, M. “The Shaping of a Policy Framework for the Wider Europe.” *Policy Brief*, no. 39 (2003): 1–17.
- Emmott, B. *Rivals: How the Power Struggle Between China, India and Japan Will Shape our Next Decade*. Orlando: FL: Harcourt Publ., 2008.
- Gabuev, A. *Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis*. Carnegie: Endowment for International Peace Publ., 2016.
- Gan'shina, Ye.I. “Rossiysko-kitayskoye gumanitarnoye sotrudnichestvo v 90-ye gg. XX veka.” *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 1 (2015): 88–97 (in Russian).
- Ipatova, A.S. “Istoriya rossiysko-kitayskikh otnosheniy v dokumentakh i materialakh.” *Modern and Current History Journal*, no. 2 (2013): 70–93 (in Russian).
- Kaple, D. “Soviet Advisors in China in the 1950s.” In *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963*, 117–120. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press Publ., 1998 (in Russian).
- Kuzyk, B.N., and Titarenko, M.L. *Kitay – Rossiya 2050: strategiya sorazvitiya*. Moscow: Institute of Economic Strategy Publ., 2006 (in Russian).
- Kul'man, Yu., and Kallagan, D. “Voyennyye v obshchestve obshchego riska: elementy sravneniya po devyati stranam Zapadnoy, Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy.” In *Voyennyye i obshchestvo v Zapadnoy i Vostochnoy Yevrope*, 227–260. Moscow: Nauchnaya kniga Publ., 2000 (in Russian).
- Kurylev, K.P., Degterev, D.A., Smolik, N.G., and Stanis, D.V. “Kolichestvennyy analiz fenomena geopoliticheskogo plyuralizma postsovetskogo prostranstva.” *International Organizations Research Journal* 13, no. 1 (2018): 134–156 (in Russian).
- Kurylev, K.P., and Stanis, D.V. “Protssess razvitiya yevraziyskoy integratsii: istoriya, sovremennyye problemy, perspektivy.” *Modern Science*, no. 2 (2015): 13–18 (in Russian).
- Luzyanin, S.G. *Rossiya i Kitay v Yevrazii. Mezhdunarodno-regional'nyye izmereniya rossiysko-kitayskogo partnerstva*. Moscow: «Forum» Publ., 2009 (in Russian).
- Luzyanin, S.G. “Global'nyye i regional'nyye izmereniya rossiysko-kitaysko-indiyskogo sotrudnichestva v tsentral'no-aziatskom rakurse.” *Far Eastern Affairs*, no. 2 (2007): 33–41 (in Russian).
- Luzyanin, S.G., and Mamonov, M.V. “Kitay v global'nykh i regional'nykh izmereniyakh. resursy i marshruty «vozvyscheniya».” In *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*, 5–31. Moscow: IDV RAN Publ., 2011 (in Russian).
- Luzyanin, S.G. *Rossiya – Mongoliya – Kitay v pervoy polovine XX v. Politicheskiye vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg.* Moscow: Ogni Publ., 2003 (in Russian).
- Mikheyev, V.V. “Mirovoy krizis kak novyye vozmozhnosti dlya kitayskoy ekonomiki.” *Society and Economy*, no. 6 (2009): 22–33 (in Russian).
- Mosyakov, D.V. *Politika Kitaya v Yugo-Vostochnoy Azii: ot proshlogo k nastoyashchemu*. Moscow: IV RAN Publ., 2012 (in Russian).
- Rakhmanin, O.B. *K istorii otnosheniy Rossii–SSSR s Kitayem v XX veke*. Moscow: Moskva Publ., 2002 (in Russian).
- Slubb, E. *China and Russia: The Great Game*. New York: Columbia University Press Publ., 1971.
- Sya, Ishan'. “Mekhanizm «Shankhayskoy pyaterki» i strategicheskoye vzaimodeystviye Kitaya i Rossii.” In *Kitay v mirovoy politike*, 336–351. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001 (in Russian).

- Titarenko, M.L. *Rossiysko-kitayskiye otnosheniya. Sostoyaniye i perspektivy*. Moscow: IDV RAN Publ., 2005 (in Russian).
- Tsvyk, G.I. “Rossiysko-kitayskoye gumanitarnoye sotrudnichestvo v ramkakh SHOS.” *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 2 (2018): 415–428 (in Russian).
- Voskresenskiy, A.D. *Rossiya i Kitay; teoriya i istoriya mezhgosudarstvennykh otnosheniy*. Moscow: MONF Publ., 1999 (in Russian).
- Voskresenskiy, A.D. *Rossiysko-kitayskoye strategicheskoye vzaimodeystviye i mirovaya politika*. Moscow: Vostok-Zapad Publ., 2004 (in Russian).
- Voskresenskiy, A.D. «Bol'shaya Vostochnaya Aziya»: mirovaya politika i energeticheskaya bezopasnost'. Moscow: LENAND Publ., 2006 (in Russian).
- Weathersby, K. “Stalin, Mao, and the End of the Korean War.” In *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963*, 238–276. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press Publ., 1998.
- Yiwei, Wang. *The Belt and Road Initiative: What Will China Offer the World in its Rise?* Beijing: New World Publ., 2016.
- Yefremova, L.I. “O rossiysko-kitayskom sotrudnichestve v oblasti obrazovaniya.” *Vestnik RUDN. International Relations* 17, no. 4 (2017): 857–865 (in Russian).
- Yurtayev, V.I., and Rogov, A.S. “SHOS i BRIKS: osobennosti uchastiya v protsesse yevraziyskoy integratsii.” *Vestnik RUDN. International Relations* 17, no. 3 (2017): 469–482 (in Russian).
- Zhouying, Jin. *The Future of Humanity. Global Civilization and China's Rejuvenation*. Chicago: Intellect; The University of Chicago Press Publ., 2018.

Информация об авторах / Information about the authors

Воркунова Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории регионоведения МГЛУ, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова.

Курьлев Константин Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Olga A. Vorkunova, Kandidat istoricheskikh nauk [Ph.D. in History], Associate Professor at the Department of Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University; senior researcher at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences.

Konstantin P. Kurylev, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil hist.], Professor at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University.